

РАЗДЕЛ II.
ИБЕРОАМЕРИКАНСКИЙ МИР В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ:
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Е.В. АСТАХОВА

ПРАЗДНИК КАК КЛЮЧЕВОЙ КОНЦЕПТ
ИСПАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

В статье рассматривается образ Испании сквозь призму концепта праздник, который является одним из ключевых слов лингвокультурного пространства страны. В условиях современного глобалистского мира с его универсализацией ценностей испанцы сохраняют свою идентичность и традиции, а праздник, как мегаконцепт в совокупности множества сущностей, признаков и явлений пронизывает когнитивное пространство и определяет национальную картину мира. В рамках темы автор дает определение таким экстралингвистическим понятиям как коррида, дуэнде, тертулия, мовида, ботельон, рассуждает об исторической роли театра, о значении «культуры кофе», трапезы и общения, месте и роли религиозных и народных праздников в жизни испанцев.

Ключевые слова: *Испания, праздник, мегаконцепт, культура, язык, характер, мировидение, коммуникация, метафора, образ, картина мира.*

THE FIESTA AS A KEY CONCEPT OF SPANISH LINGUISTIC CULTURE

The author examines the image of Spain through the megaconcept of fiesta, which determines many aspects of the national and cultural mentality. This concept reflects various vectors of quotidian life, religious and popular holidays with their complicated details and special dramaturgy, penetrates to every day communication and behavior. The research determines such Spanish extralinguistic realities as corrida, tertulia, movida, botellon, indignados, analyses the role of the theater, of “coffee culture”, of football and other phenomenons in social life and cognitive space of Spaniards. The knowledge of different aspects of fiesta helps to understand the word potential of Spanish language, its metafores, stylistic images.

Key words: *Spain, fiesta, megaconcept, culture, language, character, vision of the world, communication, metafore, image, picture of the world.*

Содержание концепта как единицы языковой картины мира всегда национально специфично, т.е. отражает особенности культуры и мировидения конкретной лингвоэтнической общности. Однако существуют концепты, имеющие особую ценностную значимость в когнитивном пространстве и в культуре той или иной страны, поскольку определяют целый комплекс ценностей и установок данного сообщества. Современные исследователи называют такие концепты «ключевыми словами культуры» (А. Вержбицкая), «константами» (Ю.С. Степанов), «логоэпистемами» (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров), «лингвокультуремами» (В.В. Воробьев), «лингвокультурными концептами» (З.Д. Попова, И.А. Стернин). Одной из таких категорий, ключевым словом испанской лингвокультуры, является праздник, который выступает как мегаконцепт, охватывающий многие сферы жизни.

В Испании нельзя жить вне праздника, который захватывает, поглощает, заставляет меняться, расти, стариться, умирать. «Праздники в Испании, по сути, никогда не прекращаются. Причем, это далеко не только национальные гуляния по поводу какой-то религиозной или национальной даты или календарного народного праздника. Сюда входят памятные даты семьи, дни рождения, крестины, дни свадеб, помолвок. К этим дням принято долго и сложно готовиться всей семьей. Вокруг праздников складывается здесь вся жизнь», — читаем в современном путеводителе [18, с. 47].

Сами испанцы всегда признавали, что акцент в их жизни делается не на труд, а на радость жизни. Если русскую картину мира характеризуют прежде всего константы, связанные с психическим складом русского человека, — «душа», «судьба», «тоска» (по определению А. Вержбицкой), то в ценностной системе испанского сообщества важнейшую роль играют «искусство жить», «межличностная коммуникация», «семейные ценности».

Что есть праздник в испанской модели мира? Почему говорят, что именно испанцы обладают этим искусством жить — *arte de vivir* и умеют наслаждаться жизнью — *desfrutar de la vida*? Понимание этого явления важно не только для познания национально-культурной специфики данного этнолингвистического сообщества, но для обеспечения адекватной межкультурной коммуникации.

В научной литературе сложилась довольно пестрая картина подхода к понятию «праздник». В.И. Даль вывел понятие «праздник» из понятия «праздность», праздный — порожний, свободный (если речь идет о месте) и «праздное время» — период, когда можно быть праздным (если речь идет о времени). Это — «время без работы», выходной, нерабочий день, день отдыха, день торжества по какому-либо поводу, храмовый, религиозный праздник. Развернутая характеристика дана в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, в толковых словарях русского языка Ожегова, Ушакова и др. Итак, слово «праздник» означает определенный период времени (час, день или дни), когда не занимаются делами. Это — свободное время, когда отмечают определенное событие, которое необходимо выделить из потока других событий — торжественную дату, национальный праздник, день или дни в честь какого-либо святого, Праздник — это

веселье, торжество, устраиваемое по какому-либо поводу: семейный праздник, день рождения, свадьба, крестины и т.д. Торжество проявляется в праздничном обряде или ритуале, т.е. в определенном символическом действии, которое художественно оформлено, а к тому же всегда связано с чем-то необычайно радостным. Кроме того праздник – это состояние души, положительные эмоции, испытываемое от чего-либо наслаждение, а также сам источник наслаждения. Праздник нуждается в особой психологической настроенности, в стремлении к нему, причем эта настроенность осуществляет в структуре сознания некие превращения, невозможные в обыденные, занятые трудом дни.

Потребность в празднике есть у каждого народа, поскольку отвечает необходимости в психологической паузе, в сбросе и накоплении энергии, в расцветивании мира в разные цвета. Вспомним известное латинское изречение – *panem et circenses* (хлеба и зрелищ). Праздник выступает как лечение от рутины, серых будней, монотонной работы, увеличивает сопротивление испытаниям. Известно, что праздник присутствует в жизни даже во времена трагических событий, войн, голода, болезней. Больше того – чем труднее жизнь, тем ярче праздник.

Концепт праздника как явления культурной жизни многослоен. Он имеет: а) актуальные признаки – конкретные календарные даты или события; б) пассивные, дополнительные компоненты, являющиеся уже неактуальными, «историческими», ностальгическими; в) внутренние формы, обычно не осознаваемые в повседневной жизни, запечатленные во внешней, словесной форме, в обычаях, обрядах, легендах, пословицах, сказаниях.

С концептом праздника связано богатство ассоциаций как коллективных, так и индивидуальных, и чем больше круг людей, использующих данный концепт во всех его «слоях», тем больше признаков, ассоциаций. К празднику привязаны такие признаки как радость, счастье, любовь, отдых, лень, время для перемен, настроение, удача, везение, забава, свобода, шутка, смех, беззаботность и др.

Испанское фиеста происходит от латинского *festus* – собрание для выражения радости. Синонимический ряд на испанском языке лексемы праздник позволяет лучше понять его значение и смысл: *descanso, festejo, festín, festividad, celebración, convite, velada, vacación, juerga, verbena, espectáculo, entretenimiento, distracción, efemérides* (отдых, торжество, празднество, веселье, празднование, званый обед, вечеринка, вербена – торжества и веселья накануне праздников, отпуск, каникулы, отгул, зрелище, спектакль, развлечение, забава, веселое времяпрепровождение, знаменательная дата). А также – *regocijo* (восторг), *júbilo* (веселье, ликование), *diversión* (развлечение, увеселение), *recreación* (отдых, наслаждение), *placer* (удовольствие), *alegría* (радость), *gozo* (удовольствие, наслаждение), *buen humor* (хорошее настроение). К «эксцессам» праздника относятся – *comilona* (пир, обильная еда), *juerga* (пьянка, пирушка), *orgía* (оргия), *holgorio* (шумное веселье, гулянка), *bacanal* (дикий разгул, оргия), *borrachera* (пьянка, попойка). И этот список далеко не исчерпан.

Праздник в Испании настолько многосложное понятие, что он включает

в себя и противоположные эмоции – трагедию, тоску, страдания, скуку, апатию. Дуализм праздника ярко проявляется в таких знаковых понятиях как фламенко, коррида, пасхальная неделя – *semana santa*, в других религиозных событиях, в которых одновременно видны мотивы смерти и торжества жизни, скорби и радости, счастья и отчаяния, «славы и трагедии».

О дуализме испанского менталитета писали великие испанские философы. Мигель де Унамуну (Miguel de Unamuno, 1864–1936) подчеркивал *трагическое восприятие жизни* испанцами, а о себе говорил: «Испания – моя боль» (“*Me duele España*”). По словам этого философа, испанский (имеется в виду прежде всего кастильский пейзаж) «не пробуждает бурной радости жизни, не вселяет иллюзии легкой и сладкой безмятежности...» [21]. Ортега и Гассет (*José Ortega y Gasset, 1883–1955*), анализирувавший национальные символы и поступки, писал, что испанцы быстро переходят от порыва к разочарованию, печали, меланхолии [16, с. 134, 186, 211].

Важнейшим элементом испанского национального характера является присутствие, наряду с «праздничными» чертами жизни, острого чувства смерти, мистерии бытия. Это можно проследить на протяжении всей истории Испании, где чередуются периоды расцвета и упадка, а гениальный пример на все времена – образ Дон Кихота. В то же время острое осознание неизбежности смерти заставляет испанцев относиться к жизни как концентрированному выражению праздника. Это восприятие жизни ярко и самобытно проявляется в знаковом явлении испанского духа, в *duende*, «таинственной», «магической» силе, которую «все чувствуют и ни один философ не объясняет». [См. 25]. Скрытая сила и темперамент испанского характера, гордость, самопожертвование, самостоятельность, стойкость в страданиях, национальное пение, танец, великая живопись, поэзия – все это и есть *duende*. *Duende* выступает как оборотная сторона праздника.

Но внимание исследователей и туристов привлекает прежде всего позитивная, праздничная сторона картины испанского мира – *el sentido festivo de la vida*, которая отражается в традициях, обычаях, бытовой и художественной культуре, в повседневном поведении, менталитете. «Важнейшей характеристикой жизни испанцев являются человеческие отношения; они быстро сходятся, легко и часто общаются; беседа – свободная, спонтанная, живая; можно сказать, что испанцы обладают искусством и даже элегантностью в умении проводить, или лучше сказать терять время, а ведь это, в конце концов, и есть самое главное вложение капитала», – пишет современный испанский социантрополог Хулиан Мариас, исследователь испанского национального характера [13, с. 40].

Еще русские путешественники XIX в. с восхищением отмечали, что Испания – страна праздника. «Праздники завораживали, брали в полон зрение, обаяние, даже вкус. Это был своего рода гипноз, не погружающий в сонное состояние, а пробуждающий творческий дух. Праздник ощущался как счастливая форма построения жизни...», – эта цитата в полной мере передает восприятие русскими духа испанской фиесты [17, с. 29]. В.П. Боткину, автору «Писем об Испа-

нии» (1845 год), эта страна по сравнению с «европейской суетой» представлялась идиллическим местом: «В голове у меня нет ни мыслей, ни планов, ни желаний;... мне кажется, я растение, которое из душной, темной комнаты вынесли на солнце: я тихо, медленно вдыхаю в себя воздух, часа по два сижу где-нибудь над ручьем и слушаю, как он журчит, или засматриваюсь, как струйка фонтана падает в чашу... Ну что если б вся жизнь прошла в таком счастье!» [3, с. 280].

О состоянии восторга перед испанскими праздниками говорил композитор М.И. Глинка. «Мадрид – прелестный город здесь все дышит весельем», «нет города веселее Севильи», «благоденственная страна, давшая ни с чем несравнимое ощущение счастья и полноты жизни» [8, с. 312, 368]. «Право на досуг здесь кажется столь же необходимым, как право на воздух», – читаем в репортажах писателя и журналиста И. Эренбурга из Испании, опаленной гражданской войной [24].

Многие авторы обращали внимание на праздность как неотъемлемую черту стиля жизни испанцев: «то, что праздность в Европе считается пороком, в Испании – нисколько» (В.П. Боткин). Художница Наталья Гончарова, прожив в 1916 году полгода в Саламанке, удивлялась, что «естественное состояние (жителей Испании – авт.) – праздность. Не ровно столько, сколько нужно, чтобы прожить, а немножко меньше, чем нужно, чтобы не умереть. ...азарт ко всему, что не труд. Либо отдыхают, либо празднуют» [23].

К. Коровин, побывавший в Испании в 1888 году, прочувствовал эту страну через свой талант художника, через цвет. Не раз в своих воспоминаниях он спрашивает себя – почему как у нас? Почему как в России? «Девушки сказали хозяйке, что я – русский. Полная женщина, в удивлении хлопнула себя по коленям и, раскрыв рот, смотрела на меня. Потом побежала внутрь магазина и, вернувшись, подала мне завернутый в бумагу кусок пирога с вареньем – в подарок. «Как у нас», – подумал я. «Но почему, несмотря на другую природу, обстановку, весь иной лик, я чувствовал себя, будто я в Москве? В чем дело? И вдруг понял, в чем похожи испанцы на нас: в радушии и разгуле. Казалось, что и здесь какой-то вечный праздник, точно никто ничего не делает, как и у нас...» [15, с. 331, 333].

Испанский «праздник» следует рассматривать в совокупности географического, исторического, социально-экономического и психологического факторов, обусловивших развитие страны. Так, солнечный климат, безусловно, способствовал и способствует экстравертному поведению, социальному гедонизму, сиеста (от латинского *hora sexta* – шестой час) стала нарицательным словом, вошедшим во многие языки. Века романизации, арабского владычества создали особую культуру времяпрепровождения. Столетия реконквисты, конкиста и освоение Нового света приучили жить на «легкие» деньги, не утруждая себя упорной работой. Расцвет империи, а затем, по словам Ортеги и Гассета, «усталость от собственной власти, разочарование в своем первенстве и превосходстве», самоизоляция – «поворот спиной ко всему прочему и поглощенность только своим» породили характерный стиль жизни [16, с. 184, 185]. На фоне

потери имперского могущества и ухудшения экономического положения народ стал «ориентироваться только на себя», возвращать свои традиционные формы мировидения. «Этот непрерывный, нечеткий, повседневный труд породил все, какие только есть, жесты, позы и движения двух последующих веков... Народ создал для себя как бы вторую природу, предписанную эстетическим законом», — пишет Ортега и Гассет. Страна, прежде всего большие города и особенно Мадрид, в XVIII в. стали ареной сплошного нескончаемого праздника: «...праздником стало все, или говоря иначе, все превратилось в праздник» [16, с. 186], а его главными проявлениями стали в те времена театр и бой быков.

Театр расцвел в Испании в эпоху «Золотого века», а к 1750 году — заслонил все другие проявления культуры. Количество трупп и их постановок позволяют предположить, что обычные испанцы смотрели в то время по 100-150 новых спектаклей в год [16, с. 605]. Критики окрестили испанский театр той эпохи «общественной школой», благодаря которой в социуме распространялись новые реформистские и педагогические идеи. В первые десятилетия столетия доминировали комедии эпохи барокко, с характерными для произведений испанского «Золотого века» сверхъестественными существами, экзотическими проявлениями и множеством трюков. Не менее популярными были так называемые «фигуроны» (*comedias de figurón*) — «наследники» распространённых в 17 веке комедий «плаща и шпаги» (*comedias de capa y espada*), а также певческие и военно-героические комедии патриотического содержания (*comedias de cantos* и *comedias heroico-militares*). Но идя на представление, испанец хотел «опьяниться», нырнуть в поток немислимых приключений, невероятных интриг, поэтому в интервалах между серьезными пьесами стали давать простонародные представления, которые зажили своей особенной жизнью. Такие жанры как сайнете, хакара, тонадилы, сарсуэла стали необычайно популярны, они отражали народный дух, стиль общения, разговорную речь. Благодаря этим незамысловатым спектаклям, театр стал самой жизнью: «все знали и обсуждали прелесть игры, мельчайшие подробности частной жизни актеров, знатнейшие люди страны обхаживали их, «народ что ни день дрался, защищая первенство своего кумира». И наконец: «Все воспринималось страстно, напряженно, восторженно, едва ли не фанатично. Люди не просто ходили в театр... — они весь день только об этом и говорили. Больше того, они спорили, ссорились, а это значит, что зрелище проникало в самую душу. Так было на всех социальных уровнях» [16, с. 209, 140, 209, 211].

Власти пытались ограничить деятельность театральных трупп или установить над ними контроль, поскольку церковь обвиняла актеров в ереси и пороках, но широкое недовольство не позволяло осуществить эти намерения.

Испанский театр той поры отвечал острой потребности в зрелище, он соединился со стихией народной культуры, был широкодоступен, охватил огромную часть населения, ведь из-за неграмотности большинства простому народу были недоступны шедевры поэзии и прозы лучших испанских авторов. **Театр отражал и одновременно формировал систему ценностей и модель поведения, видение мира.**

В повседневном поведении испанцев остается много театрального — активная жестикуляция, громкие голоса, преувеличенно-эмоциональное восприятие информации, широкое использование дополнительных лексических средств, подчеркивающих значение слова. Недостаточно сказать просто кофе — *café*: если речь идет о хорошем кофе, это будет звучать как — *café-café; es toro-toro* — говорят о быке, обладающим настоящими качествами для боя. А чтобы выразить отрицание чего-либо или незнание какого-либо предмета, мало сказать *no lo sé* — не знаю, необходимо придать отрицательный колорит этой фразе по нарастающей: *no sé nada* — ничего не знаю, *no sé nada de nada* — ну ничего вообще не знаю, *no tengo ni la más ligera idea, no te quepa la menor duda* — да вообще не имею никакого понятия об этом, даже не сомневайся. Как пишет испанский лингвист Амандо де Мигель, предпочтительней звучат последние два варианта. *No te vengas con tu drama* — не грузи меня (не приставай ко мне с твоей драмой), говорят испанцы, когда не хотят слушать о чужих проблемах. Вообще в социо-политической лексике используется много идиоматических выражений, пришедших из театральной среды.

Из театра XVIII века родился такой типично испанский (и латиноамериканский) языковой и социальный феномен как *rigoro* — любовный комплимент, который стал частью бытовой культуры и только в последние годы потерял популярность в связи с активным феминистским движением и социальными изменениями в обществе.

В XIX–XX веках, когда театр перестал быть властителем душ и дум народа, пылкости и темпераменту испанского характера требовался выход, таким полем стала коррида.

Роману классика испанской литературы Висенте Бласко Ибаньеса (Vicente Blasco Ibañez, 1867–1928) «Кровь и песок» предпосланы слова — «слава и трагедия народного праздника». Коррида — это страсть — *afición*, это — фиеста. Танец быка и тореро отражается в массовом сознании как противостояние дикой, непокоренной природы и человека. Само понятие бык отражает специфические черты менталитета испанского этноса, и продолжает оставаться культурно значимым в национальном мировидении. Для испанца бык — благородное животное, часть традиции, национального праздника. А в массовом сознании бык ассоциируется с контурами страны, с самой Испанией, где даже торговый знак фирмы Осборн (с изображением быка) стал национальным достоянием.

В упомянутом романе, устами одного из героев, писатель воскрешает историю корриды. Несмотря на то, что в Испании убивали быков «для забавы» с незапамятных времен, такого боя быков, какой существует ныне, не существовало — не было ни профессиональных тореро, ни строгих и четких правил. Эпоха процветания корриды началась с середины XVIII века, «когда Испания спряталась, точно улитка в своей раковине, отказавшись от колонизации и новых войн в далеких странах, а холодная жестокость церкви сдала свои позиции» [9, с. 548, 549]. Бой быков, по словам писателя, сменил аутодафе, а те, кто в прошлом отправлялись воевать во Фландрию или колонизировать просторы Нового Света,

становился тореро. Первые организованные «квадрильи», расписанный ритуал действия, подчиненный правилам искусства и нормам красоты, изобретения различных приемов бандерильеро, все то, что составляет искусство тавромахии «ошеломили и покорили» испанцев. «За всю историю нашего народа мало что так пленяло его и радовало как возникшее в середине века (1750 год) празднество. Бедные и богатые, мужчины и женщины тратят немалую часть дня на то, чтобы к нему подготовиться, его увидеть, поговорить о нем и об его участниках. Поистине это стало наваждением», — замечал Ортега [16, с. 208]. Он пишет, что сам бой — только фасад, «только недолгое явление целого мира, скрытого за ним, а мир этот объемлет очень многое — от пастбищ, где готовят хороших быков, до кабаков и таверн, где собираются вместе тореро и пылкие зрители» [16, с. 208].

Арены — *plazas* — стали для народа той площадкой, где он чувствовал себя хозяином и законодателем. «Народ нашел в новом национальном празднестве естественный выход для честолюбия, присущего сильным и смелым», — объясняет герой Бласко Ибаньеса, отвергая обвинения в варварстве и жестокости толпы, ссылаясь на то, что в «цивилизованных» странах существуют другие варварские забавы — бега, скачки, травля на охоте собаками, спортивные состязания, осуждает он заодно и зоопарки [9, с. 550]. В противовес этим «европейским варварствам» в Испании «...отважные и ловкие люди, придерживаясь неоспоримо мудрых правил, вступают в единоборство с опасным и смелым зверем при свете солнца, под голубым небом, на глазах шумной, разношерстной толпы, соединяя с волнующей опасностью волшебство живописной красоты...», — восхищается испанский классик, хотя на деле в своем социальном романе он разоблачает эксплуатацию таланта тореро, предательство и равнодушие грубой толпы к поверженному победителю [9, с. 550].

Можно ли называть корриду праздником, задаются вопросом многие другие авторы. Однозначного ответа не находит никто.

Посмотрим, какими словами описывает праздник Сан-Фермин в Памплоне страстный поклонник боя быков и Испании Эрнест Хэмингуэй: «фиеста взорвалась», «фиеста кипела», «фиеста текла сплошным потоком», «она продолжалась день и ночь в течение 7 суток», «пляски следовали одна за другой, пьянство текло рекой, шум не прекращался» [22, с. 169, 164]. Беспристрастным взглядом, просто констатируя происходящее, писатель смотрит на людей, участвующих в знаменитом беге быков, а читатели делают выводы сами:

«На всех балконах теснились зрители. Вдруг улицу залила толпа. Люди бежали все вместе, сбившись в кучу. Они пробежали мимо отеля и свернули к цирку, потом появились еще люди, они бежали быстрее, а позади несколько человек отставших уже пробежали во весь дух. После них образовался небольшой просвет, и затем по улице, крутя рогами, галопом промчались быки. Минута — и все исчезло за углом. Один из толпы упал, скатился в канаву и лежал неподвижно. Но быки пронесли мимо не заметив его. Они бежали плотным стадом» [22, с. 202].

Скупыми словами описана смерть «ради забавы». Действительность и ее образы приобретают истинную моральную цену, все признаки «празднества» выстраиваются по своим местам, и вывод очевиден:

«Человек, которого бык забодал, лежал ничком в истоптанной грязи. Люди перелезали через забор, и мне ничего не было видно, потому что толпа тесно окружила его. Из цирка доносились крики. Каждый крик означал, что бык кинулся на толпу. По силе крика можно было определить, насколько страшно то, что там происходит...

Вернувшись в город, я опять зашел в кафе выпить кофе с гренками. Официанты подметали пол и вытирали столики. Один официант подошел ко мне и принял заказ.

— Что-нибудь случилось во время *encierro*?

— Я всего не видел. Один из толпы серьезно ранен.

— Куда?

— Вот так. — Я положил одну руку на поясницу, а другую на то место груди, где, по-моему, рог должен был выйти наружу. Официант кивнул головой и салфеткой смахнул крошки со столика.

— Тяжелая рана, — сказал он. — И все ради спорта. Ради забавы» [22, с. 203].

В настоящее время идет активная полемика о том, насколько коррида отвечает сущности испанской культуры, ее так называемой *la españolez* - «испанской сути». Защитники боя быков ссылаются на многочисленные высказывания Ортеги и Гассета, смысл которых сводится к следующей максиме: «Нельзя понять историю Испании, а также ее литературу, поэзию, искусство, без тщательной реконструкции истории тавромахии» [5].

Кроме того, утверждается, что на корриде находит подтверждение философское значение жизни, а смерть на арене только усиливает это вечное противостояние природы. Социологи, занимающиеся феноменом привлекательности корриды, пишут о том, что «дерзкие движения и действия тореро отвечают эстетике «вызова», которая связана прежде всего с концептом мужественности», преклонением перед мачо. В корриде проявляется, по мнению исследователей, вечная и природная склонность испанцев к жесту, «те же жесты мы наблюдаем при общении в кафе, на площадях» [5].

В последние годы в Испании набирает силу движение с призывом запретить корриду, в 2011 году в Каталонии такое решение уже было принято, хотя и носило оно больше не экологический и гуманистический характер, а политический. Смогут ли испанцы отказаться от векового культа быка как символа природы, силы, жизни, покажет время, политическая ситуация и влияние глобализации на испанские традиции, которые остаются полем битвы за национальную идентичность. И особую роль в этом контексте играют не календарные, а **народные и религиозные праздники**.

Праздник — старейшая форма бытия культуры, антитеза будням, обычной жизни; в сознании человека праздник ассоциируется, как отмечал Михаил Бахтин, с «временным вступлением в утопическое царство всеобщности, свободы, равенства и изобилия». Для испанца XVII—XIX веков праздник был настоящей

«работой». Церковь определяла дни, в которые запрещалось трудиться. Их было около 70 вместе с воскресеньями и главными религиозными праздниками (пасхи, тела Христова, Св. Иоанна Крестителя, Вознесения, Троицы, Апостола Иакова, Успения Всех Святых, Непорочного Зачатия, Рождества и т. д.). Кроме того, были еще праздники меньшего значения, а некоторые торжественные даты отмечались на протяжении нескольких дней. В честь Богородицы и ее чинов в течение года устраивалось более десятка праздников. С необыкновенной пышностью праздновались дни многочисленных святых. Существовали также государственные светские праздники, которые по размаху не отличались от религиозных, они сопровождались процессиями и молебнами. Отмечались и местные праздники. У каждого города, селения и прихода был свой святой покровитель, и честь него или святой покровительницы устраивались особо пышные торжества, которые длились не один день. Нельзя забывать и о семейных праздниках – рождение, крещение, первое причастие, свадьба, похороны – все это предполагало коллективное участие в церковной службе и совместную трапезу.

Можно сказать, что все вышесказанное относится и к современной Испании с некоторыми издержками, которые вносят современные условия жизни и работы, а также влияние глобальных международных факторов, таких как финансовый кризис, военные конфликты, участие страны в межнациональных проектах.

О календарных и народных региональных праздниках в Испании существуют многочисленные и подробные описания, нам важно подчеркнуть другое: специфическую испанскую окраску имеет то обстоятельство, что чисто церковное по происхождению и характеру торжество (Рождество, Пасха, праздник Св.Иоанна – Сан-Хуан, дни других многочисленных святых покровителей той или иной местности и т.д.) насыщается всевозможными развлекательными, игровыми, декоративными элементами. Налицо – неповторимый и органический синтез празднично-светского и празднично-церковного начал. В церковных испанских праздниках присутствуют и языческие отголоски, и переключки с римскими патерналиями, и история арабского владычества, например: игровые и танцевальные «битвы мавров и «христиан» – *toros u nazarenos* с наряженными соответствующим образом участниками. Обряды и традиции проведения этих праздников чрезвычайно красочны, детализированы, насыщены драматургией.

Другой важный элемент этих праздников – повод для испанца подчеркнуть участие и принадлежность к социальной группе, территориальной общности. «Бесперебойное функционирование столь насыщенной и значимой сферы народной жизни, какой является в Испании отправление праздничной обрядности, было возможно только потому, что здесь повсеместно существовали постоянные устойчивые организации, которые и занимались подготовкой и проведением традиционных торжеств» [14, с. 175]. В городах и селениях – это кофрадии (*cofradías*) – группы, объединяющие участников по проживанию в одном квартале, профессии, возрастной категории, которые фактически соревнуются между собой в выдумке и мастерстве подготовки костюмов, танцев,

шествий, каждое из этих объединений имеет свои обязанности и права. На протяжении всего года исполнители серьезно и с волнением готовятся к празднику, оттачивая распорядок празднования, репетируя роли, готовя костюмы, меню и т.п. Особую популярность приобрели в последние годы традиционные праздники святых покровителей той или иной местности, что отражает так называемую *orgullo local* – «местную гордость». В Испании всегда принадлежность к месту происхождения и проживания имела большую важность. В период перехода к демократии, ее развития и утверждения, усиления роли автономных сообществ, этот элемент самосознания еще более возрос и нуждается в постоянном реальном и символическом поддержании.

Испанцы сохраняют и возобновляют свои традиции с «нежностью и энтузиазмом», – восхищаются иностранные исследователи [20, с. 15]. Праздник Сан-Фермина в Памплоне, пышные процессии по время пасхальной недели в Севилье, праздничная неделя в честь Святого Иоанна в Сории, турниры по поднятию тяжелых камней в Стране басков – *levantamiento de piedras*, праздник огня в Валенсии, «похороны сардины» в Мадриде – этот список нескончаем. Подсчитано, что ежегодно на региональные религиозные и народные праздники тратятся 700 миллионов евро. При этом в традиционном народном празднике в Испании есть черты, сильно отличающую эту страну даже от ближайших соседей. В то время как во многих европейских городах фольклорный праздник давно исчез, в Испании он, напротив, становится все более значимым и масштабным. Важно подчеркнуть фактор **культуры участия** в этих праздниках, которая носит не искусственный, навязанный сверху характер, а является самой формой бытия и потребностью. Это – не явление праздной публике наемных ряженных, а существование каждого человека внутри действия, проживания его вместе со всеми.

Испанцы – чрезвычайно коммуникабельны, и **общение с семьей, друзьями, сама трапеза** – это часть праздника. Удивителен тот факт, что испанцы в целом славятся своим индивидуализмом. Каждый из них на все имеет свое мнение, при этом, они убеждены, что их мнение – самое верное. Одновременно испанцам, независимо от региона, чрезвычайно присуща любовь к компании, что дает чувство принадлежности к социальной группе, солидарности, человеческого тепла, радости.

Сидеть за общим столом и часами говорить на разные, порой незначимые темы, доставляет удовольствие и наслаждение жизнью. При этом молчание не является отличительной чертой испанцев, и общение обычно носит очень шумный характер – «очумелый и сладкий галдеж», по словам поэта [11, с. 255] нередко переходит просто в крик.

Понятие праздника связано с застольем, гостеприимством у всех народов, и имеет самое прямое отношение к стилю жизни испанцев: им нравится приглашать, и они ценят, когда их хорошо принимают.

Степень гостеприимства, желание пригласить на совместную трапезу соседа, друга, просто чужого человека возрастает по мере снижения социального статуса индивидуума: чем скромнее уровень жизни, тем настойчивее будут пред-

лагать разделить трапезу. Испанский культуролог и литератор Америко Кастро (Américo Castro y Quesada, 1885–1972) связывал это качество с арабским влиянием на испанскую культуру, а также с тем, что испанское общество остается иерархическим и в какой-то мере консервативным [7, с. 139, 138], а разделить застолье издавна означает высказать уважение, дружбу, завязать особые доверительные отношения.

Эти особенности следует учитывать в межкультурной коммуникации, особенно в деловой культуре бизнесменов, которые стремятся наладить отношения с испанскими партнерами. Испанцы убеждены, что «...получать удовольствие от хорошей еды правильно, полезно и жизненно необходимо для здоровья..., делать это следует не реже, чем смотреть на часы. Все те, кто не умеет этого, кто считает, что пицца с пивом на бегу приближает нас к цели — опасные и вредные люди, от них следует держаться подальше и никаких важных дел с ними не затевать», — таковы рекомендации по ведению бизнеса по-испански. Если вы уж удостоились совместной трапезы, то «вам надо мило общаться, доставляя друг другу только положительные эмоции». «Запрещено переживать, нервничать, возмущать окружающее пространство». Разговор не должен вестись о делах, недопустимо серьезное, напряженное, нахмуренное выражение лица, стиль общения не должен быть сухим и чопорно официальным. «Мы присутствовали на многих встречах и переговорах, и львиную долю времени там говорили о чем угодно, только не о бизнесе. Нередко, краткий час в офисе перетекал в нескончаемый ужин, за которым ворошились любые темы и общие знакомые, но лишь в конце, за какие-нибудь двадцать минут до финала, происходила долгожданная кульминация, и начиналось обсуждение сделки», — пишет российский бизнесмен, — «знайте, что на самом деле сделка уже произошла, и совершается она здесь не на бумаге. Подписание ваших договоров состоится скорее всего в ближайшее время и станет уже простой формальностью» [18, с. 360].

Особый колорит прослеживается при рассмотрении «гастрономических концептов», соотносящихся как с собственно сферой питания, так и с сетью потребительских услуг. В испанском языке существует бесконечный ряд номинаций, служащих для обозначения разнообразных объектов, предусмотренных для питания: *café, cafetería, apuro, banquete, bar, bar americano; barra; barraca; bayuca; bodegón; brazadera; bufe; bufetes rápidos; canilla; cantina; casa de comidas; cepo; clavija; comedor; espita; establecimiento; freiduría; fritura; grapa; grifo; local; masilla; merendero; mesón; pegamento; pinza; posada; presilla; puesto de patatas fritas; restaurante; restaurante de autoservicio; restaurante de la estación; sala; salón comedor; salón de té; sotana; taberna; tasca; tenedor; trampa; venta.*

Интернациональными гастрономическими символами, не нуждающимися в переводе, стали *paella, jamón, tapas, tortilla, gaspacho, turrón, sangria, jerez*, а также оливковое масло, морские продукты и многие другие блюда.

Важную роль в праздничных ритуалах всегда играет потребление. А в условиях современного общества, государства «благополучия» — *estado de bien estar*, построенного в Испании с помощью Евросоюза, бизнес стал ключевым участ-

ником праздничного дискурса, что выражается в громадном количестве магазинов, супермаркетов, баров, ресторанов, подарках и специальной праздничной одежде. Праздник — это не только радость жизни, но и инструмент маркетинга. Шоппинг превратился для испанца в любимый «вид спорта» и развлечение, от которого они испытывают самые положительные эмоции.

Культура времяпрепровождения (*hacer tiempo*) в кафе занимает значительное место и время в жизни испанцев. Вот как пишет об образе жизни своего героя, представителя среднего класса, испанский классик Бенито Перес Гальдос (Benito Pérez Galdós, 1843—1920) в романе «Фортуната и Хасинта»: «Хуан Пабло Рубин не мыслил своей жизни без того, чтобы не провести полдня или даже весь день в кафе. Он чувствовал бы себя несчастным, если бы работа или какое-то другое занятие заставили его жить иначе... Он шел в кофейню в полдень, посещал ее после обеда, оставался там до 4—5 часов пополудни, возвращался после ужина, где-то в 8, и не уходил до утра. Один или с друзьями размышлял о серьезных проблемах политики, религии, философии... Само место и его атмосфера были так необходимы для его жизни, что только там он чувствовал полноту своих интеллектуальных и духовных сил. Даже когда память ему изменяла в отношении каких-то событий или дат, он говорил себе — «не важно, вспомню в кафе»... Кофейня доставляла ему особые, глубинные чувства сроднимые с домашним очагом, все предметы улыбались как старые знакомые. Люди, которых он там встречал — официанты, управляющий, постоянные клиенты, были связаны с ним семейными узами» [пер. с исп. автора, 2, с. 437].

Далее подробно описывается неторопливый ритуал заказа чашечки кофе, стакана воды, непременно, «с достоинством» приветствий с официантами и барменами, посетителями — «ветеранами» и, наконец, сам обмен мнениями обо всем — о республике, о монархии, о прогрессе, о политических партиях. В «кофейном» общении сглаживались политические противоречия: «Именно в кафе так ярко блистало это испанское братство, когда республиканец протягивал руку карлисту, а упрямый прогрессист обнимал своего противника из умеренной партии» [пер. с исп. автора, 2, с. 439].

Василий Боткин также оставил замечательные заметки о любви испанцев к общению в кофейнях: «...каждый верен своей кофейной партии и в каких бы дальних сторонах Мадрида они ни жили, каждый приходит непременно в свою кофейную есть мороженое или сорбет или просто выпить стакан воды». Боткин пишет о бесчисленном множестве кофеен, о необыкновенном, «как ни в одной стране», разнообразии *bebidas heladas* (холодных напитков), видов мороженого, кофе, шоколада и т.п. Кроме кофеен, сообщает Боткин, «каждая лавка, каждая цирюльня имеет своих посетителей, которые сходятся тут беседовать; иногда эти сходки так велики, что покупателям нет возможности пробраться в лавку. Вследствие этого к некоторым лавкам привешена бумага с надписью: *aquí no se tienen tertulias* (здесь не держат собраний)». Иностранцу легко ознакомиться с положением общественных дел в стране при таком всеобщем расположении к беседе, утверждает автор. «Садитесь в кофейной к любому столу, к любой

группе разговаривающих..., смело вмешивайтесь в разговор, ваше присутствие никогда не помешает беседе». И Боткин и другие путешественники отмечали, что кафе полны людей из разных социальных слоев, в мадридских кафе много женщин «особенно вечером – решительно все столы заняты одними женщинами» [19, с.163].

Все эти черты «кофейной культуры» сохраняются и в наши дни, может быть темы для обсуждения стали другими, прибавились еще совместные просмотры популярных футбольных матчей. Всегда заполнены посетителями столики и барные стойки даже в маленьких городах, причем сотни и сотни людей предпочитают стоять с бокалом вина или кружкой пива и общаться на улице у входа в кафе или бар. Остается в традиции привязанность к какому-то одному любимому месту, обычно это бар рядом с домом или кафе на центральной площади. Нередко также перемещение из одного бара в другой – *para tartear* (перекусить). «В баре обсуждается и решается все, здесь делятся радостью, горестями, не скрывают проблемы», – говорит герой популярного испанского телесериала [4].

В пятницу вечером, в субботу и в воскресенье улицы и площади переполнены прогуливающимися семьями, представителями всех возрастов, профессий и социальных групп, те же, кто не может передвигаться сидят на креслах и качалках на балконах и у дверей своих домов. Это – так называемое *paseo*, старинная испанская традиция. Она дает возможность «на людей посмотреть и себя показать» – *mirar y dejarse ver*.

Особенности испанского характера – коммуникативность, стремление «быть в группе» и участвовать в совместных делах, семейная привязанность к какому-либо одному месту, желание отдохнуть от повседневных забот и погрузиться в праздничное состояние продолжают поддерживать дух этой особой культуры времяпрепровождения. И в этой связи нельзя не сказать о о таком важном социокультурном явлении как тертулии.

Испанский писатель Фернандо Диас Плаха, автор знаменитой книги о «семи смертных грехах испанцев», цитирует слова Мигеля де Унамуно, что сама испанская культура родилась в результате бесконечных разговоров в «кофейнях, а не в университетах» [7, с. 319].

Был период в испанской истории, когда тертулии, своего рода интеллектуальные собрания, становились колыбелью рождения новых философских, научных, художественных, творческих идей.

Толковые словари и словари иностранных слов называют тертулией определенный вид вечерних собраний, которые могут носить литературный, музыкальный или вокальный характер (есть тертулии, где обсуждается и тавромахия). Участники тертулий обычно собираются в кафе в определенные дни и часы и за чашкой кофе и бокалом вина в приятной компании обсуждают волнующие их вопросы. Такое толкование верно, но оно не раскрывает всей важности этого понятия для испанской культуры. Знаменитые философы, поэты, писатели Испании поколения 1998 года и поколения 1927 года не мыслили своей творческой жизни без подобных «праздничных» встреч, сопровождавшихся спорами,

обменами мнениями, чтением стихов, обсуждениями политических новостей. Собрания эти не носили агрессивный характер, на тертулиях ценились красноречие, критический ум, острый язык, но одновременно терпимость к чужому мнению. Обычно тертулии вращались вокруг одного центрального известного персонажа, который регулярно посещал конкретное кафе. Тертулии служили также в качестве образовательного центра для молодых участников, которые в неформальной обстановке могли познакомиться со своими кумирами.

Своими корнями тертулии уходят в Золотой век испанской литературы – XVII, когда по аналогии с известными литературными салонами во Франции возникли *academias literarias* – литературные академии, своего рода собрания «просвещенных». В Мадриде с 1612 года стали известными *Academia Selvaje* и *Academia Mantuana*, где Лопе де Вега прочел свою знаменитую лекцию «Новое искусство творить комедию» - *Arte nuevo de hacer comedias*.

Время, когда тертулии были особенно популярны, это первая треть XX в. Названия кафе, где собирались интеллектуалы и театралы, становились нарицательными. Так, *Nuevo Café de Levante* в Мадриде по словам драматурга, поэта и романиста Рамона Валье-Инклана (1866–1936) оказало воздействие на современную литературу и искусство большее, чем два-три университета или академии вместе взятые. В Мадриде проходили лучшие тертулии, и их главные действующие лица – Пабло Пикассо, Федерико Гарсия Лорка, Ортега-и-Гассет.

Тертулии как клубный «интеллектуальный салон», «интеллектуальная тусовка», практически перестали иметь место с середины прошлого века, это объясняется как известными историко-политическими причинами, так и психологическими. В наши дни отдельные испанские интеллектуалы собираются на литературные встречи, которые они называют тертулиями, но это явление уже не играет той особой «развивающей» роли, как в прошлом. Тертулии заменились в лучшем случае на *veladas* – вечеринки. На деле испанцы выбирают совместные походы по барам и ресторанам. Влияние глобальной культуры и эпоха консумизма не располагают к интеллектуальным поискам.

Теперь тертулиями называют также современные ток-шоу на злободневные темы по телевидению. Обычные курортные посиделки тоже могут назвать тертулией, а их участников заядлыми тертулианами. Тертулии, даже в том виде как они выступают в наше время, представляются как часть праздника, поскольку отвечают признакам этого концепта: это – способ духовного единения, коллективного самовыражения, обретения свободы в мыслях, ухода от действительности, рутины.

Раскрепощение от десятилетий различных социальных табу, политических и идеологических ограничений, закрытости страны нашло свое выражение в другом социальнокультурном феномене, спонтанно родившимся в конце 1970-х – начале 1980-х годов и получившим название мовида.

Мовида (*movida*) – переводится как движение, перемена, в просторечии «тусовка», «драйв». Мовида мадриленья – мадридская мовида, возникла в условиях перехода страны к демократии, когда испанцы, прежде всего молодежь,

свободная от условностей и предрассудков, с головой погрузились в эйфорию. «Испанцы захотели жить здесь и сейчас», «вся нация, за исключением немногих ностальгирующих по временам Франко, бурлила оптимизмом, родилось страстное гедонистическое желание жить и наслаждаться», - пишет английский журналист и писатель Жиль Тремлетт [20, с.10]. Но символом испанской культуры и испанского «праздника» 1980-х годов, мовида стала не столько благодаря непрекращающимся гуляниям по барам, наиболее ярко она проявила себя в поп-музыке, кинематографе, фотографии, графике, комиксах, в литературном творчестве. Рупором движения стал журнал «Ла Луна», а зал «Рок-Ола», открытый в 1981 году, превратился в своеобразный «храм» мовиды, где собирались популярные музыкальные группы. Зародившись в Мадриде, мовида постепенно охватила города по всей Испании. «Тем, кто не жил в те годы, невозможно объяснить, что такое мовида. Мы были не какое-то особое поколение, мы были творческое движение; мы не были группой с какой-то конкретной идеологией. Мы были просто кучка людей, которые совпали по своим настроениям в один из наиболее взрывных моментов в истории страны» [1], - говорит Педро Альмодовар, всемирно признанный испанский режиссер, один из лидеров этого движения.

Мовида тех лет означала не только отрицание тоталитарного прошлого, но и появление новых форм жизненного стиля, вызывающих форм поведения, злоупотребления алкоголем, наркотиками, сексуальными эксцессами. Это были годы панков, рокеров, кричащего макияжа, разноцветных причесок, вызывающей одежды. Испанская молодежь, бросая вызов традиционному обществу, прежним ценностям морали, повторяла путь, пройденный поп-культурой и культурой *underground* в США и Западной Европе еще в 1960-е – 1970 годы.

Власти не препятствовали этому явлению, наоборот – мэр Мадрида социалист Энрике Тьерно Гальван был убежден, что мовида служит «лечебным средством» для общества после стольких лет диктатуры; он неоднократно принимал участие в рок-собраниях, а его лозунг «*al colocarse y al loro*» – «построились и будьте на острие!» стал нарицательным (в языковом плане интересно проанализировать эти слова – глагол *colocarse* имеет и другой подтекст: для участников мовиды он означал «наширяться», «наколоться»).

Политическая поддержка левых политиков служила созданию новых символов страны, а за рубежом, благодаря СМИ, мовида с ее провокационной эстетикой стала восприниматься как образ новой демократической Испании.

Мадридская мовида осталась в истории страны уникальным явлением. По прошествии лет она стала восприниматься как что-то гораздо большее, чем была на самом деле, стала символом новых ценностей. Уже в конце 1980-х годов движение сошло на нет, признаки альтернативной культуры превратились в массовые и уже не несли свежих творческих идей.

Сегодня многое изменилось: закрылись или потеряли былую славу наиболее известные ночные клубы тех лет, но дух мовиды, этот поток свободы и эйфории, не исчез, а стал частью жизни города, одной из традиций современного Мадрида. Многие туристы приезжают в столицу Испании, чтобы раз-

делить этот праздник общения, ночной жизни, для них мовида — это поток нескончаемых развлечений. Но для испанцев в условиях финансового и экономического кризиса, поразившего страну с 2008 года, возникла новая, политическая мовида как ответ на изменение социальной ситуации и недовольство бездействием властей.

Тяжелые условия, прежде всего безработица, затронувшая треть населения страны, оказали прямое воздействие на психологическое состояние общества, на стиль и образ жизни. Подверглись изменениям все вышеперечисленные поля праздника — шопинг, досуг, общение, застолье и т. д. Особенности национального менталитета — желание жить сегодняшним днем, относительно малая трудоспособность, необязательность, неторопливость, лень, бюрократизм в принятии решений, нежелание инноваций, консерватизм, «черный бизнес» только усугубили ситуацию.

Современная испанская молодежь начала пересматривать сложившиеся ценности глобальной культуры. Обеспокоенные отсутствием перспектив и растущей безработицей, молодые люди стали инициаторами национального протеста «возмущенных» — *los indignados*, в котором приняли участие многие слои населения разных возрастов.

Движение *indignados* возникло 15 мая 2011 года, и сопровождалось занятием площадей и улиц, многотысячными манифестациями и митингами. Протесты организовывались через социальные сети (где они получили имя «испанской революции»), и нередко приобретали форму живого, экспрессивного, карнавального, зрелищного праздника. Можно даже сказать, что протесты, в которых участвовали целые семьи, — это было своего рода возрождение мовиды, но уже другого рода, с социально-экономическим подтекстом. Результатом протестного движения стало рождение новой партии левого толка с ярко выраженной антилиберальной окраской. Партия *Podemos* — «Мы можем», которая быстро завоевывает популярность и по опросам начала 2015 года имеет все шансы получить большинство голосов на выборах.

Протест «возмущенных» стал как бы оборотной стороной праздника, ведь любой праздник выступает, кроме всего прочего, как своеобразное зеркало социальных противоречий, в нем находят свое отражение ущемление демократических форм жизни общества, крушение идеалов, разрыв между официальной идеологией и объективными реалиями действительности.

Одновременно с протестными настроениями укореняются пассивные формы реакции на действительность.

Начиная с конца XX века и особенно в условиях финансово-экономического кризиса последних лет получает развитие новая социальная реальность ботельон — *botellón*. Это — массовые собрания молодежи от 13 до 24 лет на улицах, площадях, в парках, которые сопровождаются потреблением крепкого алкоголя и пива, купленных заранее в супермаркете, но главное в этих собраниях — общение, слушание музыки, знакомства. Молодежь начинает собираться днем, всегда на свежем воздухе, и общение продолжается до раннего утра, чему в немалой

степени способствует благоприятный климат. В некоторых городах в конце недели на центральных площадях концентрируются до нескольких тысяч молодых людей, а места этих встреч стали именоваться ботельдромы – *botellódromos*. Договариваются о встречах через социальные сети. Нередко для встреч используются официальные и региональные праздники. Так во время «весенних праздников» – *fiestas de primavera* – в Севилье все центральные улицы переполнены веселыми молодыми людьми.

Иногда эти «тусовки» кончаются стычками, актами вандализма, но это – редкое явление, чаще спровоцированное самой полицией. Конечно, многочисленные молодежные «тусовки» доставляют массу тревог жителям и туристам. Жалуются и родители, обеспокоенные ранней алкоголизацией своих детей. Все попытки муниципальных и центральных властей упорядочить это явление, принять какие-то законы и ограничения не приводят к успеху.

В этой новой молодежной мовиде отражаются: потеря ценностных ориентаций, усугубленных кризисом, сложное экономическое положение в их семьях, а отсюда и отсутствие возможностей проводить время в кафе или ресторане из-за дороговизны. Сюда же относятся стремление не чувствовать себя выключенными из сложившейся картины современного мира, где молодежь потеряла свои активные позиции и разочарована в будущем, а также неистребимое желание развлекаться. Появилась развернутая культура развлечения характерная именно для молодежной среды, и в состав этого поля входят выпивка, наркотики, секс.

Можно ли назвать эти собрания вариантом праздника? В любом случае в подобных встречах присутствуют социокультурная интеграция определенной общности людей, одно социокультурное поле, уход от повседневности, рутинизации. Для молодых людей участников ботельона праздновать значит свободно и добровольно общаться, коллективно переживать, испытывать разрядку от неприятной напряженности. Особое значение в этом виде общения приобретает эстетическая составляющая: чувственно-эмоциональная насыщенность содержания, радость, что отражается в экспрессивной лексике молодежного слэнга, новых языковых лексемах.

Для испанца в процессе зрелища и в любом другом времяпрепровождении важно «видеть и комментировать» одновременно. О нетерпении, и даже о «ярости» долго «сидящего испанца» писал еще Лопе де Вега в упомянутом трактате «Новое искусство творить комедии» – *Arte nuevo de hacer comedias*, предлагая делать частые интервалы между театральными действиями [7, с. 95].

В этом плане футбол полностью отвечает испанскому национальному характеру, причем он вытесняет корриду (как ранее коррида заменила в массовом сознании театр), а в отчетах о футбольных матчах оперируют терминами тавромахии («добить зверя, бестию»). Футбол стал национальной гордостью испанцев, национальным праздником. Социологические опросы свидетельствуют, что победы сборной «*Furia Roja*» («Красная фурия») на чемпионатах мира и Европы способствуют чувству единения страны. Испанская сборная команда, в которой играют и баски, и каталонцы, и галисийцы, и андалу-

сийцы, действует сплоченно, как единый отлаженный механизм, от действий одного зависит игра многих, их поведенческую модель сравнивают с «пчелиным роем».

Футбол – массовое зрелище, которое так же как и коррида вызывает в испанском зрителе *afición*, страсть, в нем возможны непредсказуемые победа и поражение. Болельщиков в Испании, как и поклонников корриды, называют *aficionados*, и им, так же как и на арене боя быков, нужна победа. Кроме того, на футбольном матче испанский болельщик чувствует себя частью группы, толпы. Недаром, матчи предпочитают смотреть не дома по телевизору, а в большой компании в барах, в фан-зонах, если проблематично присутствовать на самом матче. Наконец, итоги игры служат предметом общения, нескончаемого обсуждения, в котором у каждого есть своя точка зрения. Футбол приносят массу эмоций, счастье. «Я играю не ради того, чтобы завоевывать «золотые мячи», я играю, чтобы чувствовать счастье», – сказал один испанский футболист.

Испанский праздник наполнен ассоциациями, метафорами, стилистической образностью, языковыми и эстралингвистическими форматами, которые нужно рассматривать в различных измерениях – речевом, визуальном, текстуальном. Изучая концепт праздник, мы открываем новые пласты языкового и культурного пространства Испании, обогащаем свои знания о мировоззрении данного лингвокультурного сообщества. Эти знания позволяют лучше понять словообразовательный потенциал испанского языка, его изобретательный стиль, емкость и фантазийность [10, с. 202, 203].

Перефразируя слова испанского философа, можно сказать, что праздник в Испании – это интерпретация жизни, ее комментарий, при котором бытие приобретает свою «ясность и строй». Этот строй в зависимости от исторических событий нарушается, но внутренние силы народа восстанавливает его вновь и вновь. Испания, как говорил Федерико Гарсия Лорка, – это страна, где «веками поют и пляшут», «в других странах смерть – это все. Она приходит, и занавес падает. В Испании иначе. В Испании он поднимается» [6]. В современных условиях наступающей, агрессивной глобализации, с навязыванием универсальных ценностей, испанцы пытаются сохранять традиции, и праздник во множестве сущностей, признаков и проявлений продолжает оставаться ключевой составляющей национальной картины мира этой страны.

Литература

1. *Almodóvar, Pedro*, *Patty Diphusa y otros textos*. – Barcelona. Anagrama, 1991. 179 p.
2. *Benito Pérez Galdós*. *Fortunata y Jacinta*. Ediciones Orbis, S.A. 1982. 826 p.
3. *Боткин В.П.* Письма об Испании. – Л.: Наука, 1976. 342 с.
4. *Cuéntame cómo pasó*. Drama-Historia. Creado por Miguel Angel Bernardeau. España. Grupo Ganga. Guión Alberto Macías, Eduardo Ladrón de Guevara. 2001–2010.

5. El País. 5 de agosto de 2012. Rafael Sánchez Ferlosio. Patrimonio de la Humanidad. El País. 5 de agosto de 2012.
6. *Federico García Lorca*. Teoría y juego del duende. – Madrid, 1933.
7. *Fernando Díaz-Plaja*. El español y los siete pecados capitales. – Madrid, 2004. 321 p.
8. *Глинка М.И.* Литературное наследие. Т.2. Письма и документы. – Л.: Гос. муз. изд-во, 1953. 890 с. с ил.
9. *Ибаньес Висенте Бласко*. Кровь и песок. Пер. с испанского. – М.: Художественная литература, 1970. 655 с.
10. *Иовенко В.А.* Национально-культурное мировидение в переводческом измерении: монография. – М.: МГИМО-Университет, 2013. 219 с.
11. Испанские мотивы в русской поэзии XX века. – М.: Центр книги Рудомино. 2011. 528 с.
12. История Испании. Том 1. С древнейших времен до конца XVII в. – М.: Индрик, 2012. 696 с.
13. *Julián Mariás*. Ser español. Ideas y creencias en el mundo hispánico. – Editorial Planeta, S.A., Barcelona, 2008. 368 p.
14. *Кожановский А.Н.* Быть испанцем...Традиция. Самосознание. Историческая память. – М.: АСТ: Восток–Запад. 2006. 318 с.
15. *Константин Коровин* вспоминает. – М.: Изобразительное искусство, 1990. 607 с.
16. *Ортега и Гассет Хосе*. Этюды об Испании / Пер. с исп. – Киев: Новый круг, Пор-Рояль, 1994. 320 с.
17. Очерки истории латиноамериканского искусства. Ч. 1. XVI–XVIII века / Редкол.: Е.А. Козлова, В.Ю. Силюнас, Л.И. Тананаева. – М., 1997. 240 с.
18. Путеводитель по Испании. Испания по-русски. – Barcelona, 2010. 415 с.
19. Русские в Испании. Книга первая. Век XVII – век XIX. – М.: Центр книги Рудомино. 2012. 720 с.
20. *Tremlett Giles*. España ante sus fantasmas. – Madrid. Siglo XXI de España Editores, S.A. 2006. 418 p.
21. *Unamuno M. de*. Cartas inéditas. Santiago de Chile, 1965. Diario íntimo. – Madrid, 1974.
22. *Хэмингуэй Эрнест*. Фиеста (И восходит солнце). Пер. с английского. – М.: АСТ: Астрель, 2010. 254 с.
23. *Цветаева М.И.* Наталья Гончарова. (Жизнь и творчество). Эссе. Медон, 1929. Впервые опубликовано в Праге в журнале «Воля России», 1929. tsvetaeva.narod.ru
24. *Эренбург И. Г.* Испанские репортажи 1931–1939 / Составители Попов В. В. и Фрезинский Б. Я. – М.: Изд-во АПН, 1986. 398 с., ил.
25. *Larionova Marina*. España, un país con duende. Россия-Испания-Ибероамерика. Перекрестный год сотрудничества: Сборник научных Трудов / отв. редакторы А.В. Шестопап, Г.С. Романова. – М.: МГИМО (У) МИД России, 2011. С.131–134.